

Другой эрос Марины Цветаевой

Ирма Кудрова: «Мне хотелось сопереживания этой судьбе»

независимая — 2002 — 28 марта — С. 9

Наталья Осминская

Если бы мы составляли рейтинг лучших книг недавно завершившейся национальной книжной ярмарки, то книга Ирмы Кудровой «Путь кометы», вышедшая в питерском издательстве «Вита Нова», безусловно, была бы названа лучшим биографическим изданием. Этот увесистый фолиант в темно-зеленом переплете с овальным портретом Марины Цветаевой на верхней крышке производит впечатление не только изысканным дизайном и количеством фотографий: книга Ирмы Кудровой — это, пожалуй, самая полная и самая интересная биография Цветаевой на сегодняшний день. И это закономерно. Ведь «Путь кометы» — далеко не первая книга Ирмы Викторовны о Марине Цветаевой.

— Как давно вы занимаетесь творчеством Цветаевой?

— Четверть века. Первая статья о Цветаевой появилась в 77 году в журнале «Север». Это была общая статья, посвященная явлению Цветаевой в нашей современности. Тогда я получила на нее одобрительный отзыв из Америки от Юрия Иваска, знавшего Цветаеву и писавшего о ней. Это было начало.

— Вы занимались только Цветаевой или еще кем-то?

— До этого я занималась творчеством Алексея Николаевича Толстого, писала статьи о стилистике современной прозы, рецензировала разные книги. Цветаевой я начала заниматься поздно, мне было уже под сорок.

— И вы стали искать какие-то новые биографические сведения о Цветаевой?

— Нет, это не было так. Мне больше всего хотелось разобраться в ее творчестве. Почему она так прельщает, что за чара такая в ее поэзии. Биография ее известна была в общих чертах, и я вскоре начала работать в спецхранах. Задача написать книгу появилась не сразу.

— Какую книгу вы хотели написать — биографическую,

литературоведческую или еще в каком-то третьем жанре?

— Довольно скоро определилось, что я не хочу писать книгу в принятом у нас жанре монографии, где сочетается биография писателя и анализ творчества. Я отношусь к этому жанру скептически; как правило и биография в этом случае оказывается достаточно поверхностной, и анализ творчества упрощенным. Книга «Путь кометы» представляет жанр биографический. О творчестве я говорю здесь ровно постольку, поскольку оно естественно неразрывно с биографией. Цветаева ведь говорила, что то, что у нее в сердце, то и в тетради, то, что в ее тетради, то и в ее сердце, это неразрывно. Через месяц-другой должна выйти другая моя книга «Просторы Марины Цветае-

вой» — и вот она будет посвящена творчеству. Хотя и личности тоже.

— Как вы использовали книги других исследователей творчества Цветаевой и мемуаристов?

— Я не оборачивалась на уже вышедшие книги о Цветаевой и, вправду сказать, довольно давно перестала их читать от начала до конца, ведь авторский подход ясен уже из полутора десятков страниц. Исследователь не черпает материал из опубликованных книжек, он собирает их из множества самых разных источников — мемуарных, газетных, архивных. Но кроме источников письменных я собирала материал и в живых встречах с людьми, которые Цветаеву знали.

Цветаева по-настоящему недооценена. Ее гений гораздо крупнее, чем это нам ранее представлялось

— А с кем именно?

— Личных контактов было очень много. В Москве и Ташкенте, в Болшеве и Елабуге, в Париже... Катерина Кист, зна-

вшая Цветаеву в чешские годы ее жизни, Марианна Карсавина-Сувчинская и Алексей Эйсер, хорошо знавшие поэта во Франции, четверо из семьи Клеппининых-Сеземанов, с которыми Цветаева жила, уже вернувшись в СССР, в Болшеве, Евгений Тагер, Элизбар Ананиашвили, Нина Бальмонт-Бруни, Вильгельм Левик, Надежда Павлович, Лилия Брик, Вадим Саконский, Берта Урицкая, знавшая в лагере Ариадну Эфрон... Нет, всех не перечислить.

— И все эти рассказы вошли в эту книгу?

— Не прямо. Я еще надеюсь обработать и опубликовать некоторые записи. Встречи эти мне помогали приблизиться к пониманию личности Цветаевой, лучше понять ее дружбу, ее размовки, ее характер. Потому что в ее поведении, отноше-

нии работы я убеждена, что по-настоящему Цветаева недооценена. Она гораздо крупнее, чем это нам ранее представлялось.

— В каком отношении?

— Прежде всего в человеческом, а вследствие и как поэт. Она поражает благородством, душевной высотой, бескорыстностью, способностью к состраданию и заботе о ближайших людях. Это не было так очевидно раньше, ведь Цветаевой принадлежат множество высказываний, которые эпатируют, ставят в тупик. Она сражалась с принятыми банальностями и лицемерием, примеров же ее истинной преданности и благодарности не счесть. Чтение ее текстов заставляет понять, что она не только поэт, но и человек замечательный, с явственной склонностью к экзистенциальной философии. Недаром Брод-

ский назвал ее одним из самых интересных современных мыслителей. Так оно и есть. Временами мне казалось, что я теряю ключ к этой необычной личности.

— Вы все-таки старались сгладить острые углы и донести до читателя более благородный образ?

— Мне не понадобилось что-то сглаживать. И в книге я совсем не избегаю сложных тем и ситуаций. Я знаю, что они, — речь идет, скажем прямо, об отношениях с Софьей Парнок, правда? — обсуждаются, как правило, на чудовищно примитивном обывательском уровне. Ну и Бог с ними, чернь всегда останется собой в своих торопливых суждениях о большом человеке. Во второй книге, которая, надеюсь, выйдет в свет, будет статья, которая называется «О странностях любви»; эпиграфом к ней я взяла слова Цветаевой из ее записной книжки:

«Есть, видимо, другой Эрос, не такой, как у всех. Ему я служу». Хорошо бы это понять... По большому же счету куда важнее прислушаться к цветаевскому уникальному свидетельству о природе человеческой. К ее особому случаю. Этот случай поражает многим. Попробую назвать хоть что-нибудь. Это прежде всего совершенно необычайная насыщенность внутренней жизни; способность к непрерывному развитию и движению, — как сказал о ней однажды ее друг Святополк-Мирский, она росла, как князь Гвидон в бочке, — не по дням, а по часам. Это поразительная сила духа, способная к самообновлению и самовоскрешению в самых тяжелых жизненных ситуациях. Это та особая врожденная экзистенциальность натуры, которая обеспечила обжигающий накал ее поэзии. Это поразительное чутье на правду и та бескомпромиссность совести, которую тот же Бродский называл кальвинистской. Это способность к такой искренности, какая сама по себе уже свидетельствует о масштабе личности... Вот что меня привлекает и изумляет в Цветаевой прежде всего...

— Как вы выстраивали собственный стиль изложения? Испытали ли вы влияние Цветаевой?

— Я думаю, что в этом не испытала влияния Цветаевой. Пишу я давно, стиль выработывался без специального задания; единственно, что со временем мне все более хотелось писать легче, живее, свободнее, без наукообразия. Я захожу теперь, что самая первая моя книга «Версты, дали» написана несколько суховато, «Гибель Цветаевой», вышедшая в «Издательстве Независимой Газеты», — живее, а написанная только что часть «Молодая Цветаева» — наиболее раскованно. Вот, может быть, что я подсознательно старалась брать от Цветаевой: раскованную манеру прозаического письма. Ведь даже эта ее непривычная пунктуация, ее знаменитые тире, появляющиеся в необычном месте, — они обусловлены не причудой, а тем, что автор впускает в пись-

менную речь устную интонацию. И однажды я увидела вдруг, что и я эти тире ставлю, что мне они нужны. Чем дальше, тем больше мне хотелось читательского сопереживания этой судьбе. И, может быть, поэтому временами я позволяю себе стилистику прозы — только без всякой беллетризации. Я не выдумываю ни одного разговора, ни одного пейзажа, ни даже погоды.

— Как вы нашли документы к книге «Гибель Марины Цветаевой» и как вы с ними работали?

— Я знала, что эти материалы — протоколы допросов мужа и дочери Цветаевой — должны были сохраниться. Попастъ в архив КГБ мне помогла Анастасия Ивановна Цветаева. Она дала мне письмо в архив, и через пару месяцев мне в Петербург переслали эти страшные папки. Но потом я прочла и другие протоколы — других людей из круга Цветаевой, тогда же арестованных. И смогла многие факты из этого чтения извлечь. Так мне удалось проследить всю линию, связанную с клеветой на Сергея Яковлевича Эфрона. И я считаю важным, что мне удалось проследить, как именно это произошло и как вообще случилось, что чистый, прекрасный, хотя и чрезмерно доверчивый человек, каким был муж Цветаевой, попал в эту страшную воронку. В книге «Путь кометы» я поместила фотографии действительных убийц Игнасы Рейсса. Преступление было свалено на мужа Цветаевой, это было неправдой, но эта неправда очень уж многих устраивала...

— Что такое, на ваш взгляд, «женская поэзия»? Насколько это правомерное понятие вообще и применительно ли оно к Цветаевой?

— Я ее не выделяю. Я даже не очень понимаю, почему в шахматах, например, существует такое деление. Хорошая поэзия есть хорошая поэзия. Я просто никогда специально не думала об этом. Знаете, Цветаева терпеть не могла «женского вопроса», она говорила, что такого вопроса не существует и незачем его выдумывать.